

A book cover illustration. A woman with long, wavy brown hair, wearing a vibrant red, low-cut, sleeveless dress, is leaning her head against the arm of a man. The man is wearing a dark navy blue suit jacket over a light blue dress shirt. The background is dark and moody, with some architectural elements like a door visible. The overall lighting is dramatic, highlighting the woman's face and the man's suit.

Виктория Волкова
ЛИЧНАЯ СЛАБОСТЬ
ПОЛКОВНИКА
ЛУНИНА

Секира

Виктория Волкова
**Личная слабость
полковника Лунина**

«Виктория Волкова»

2022

Волкова В. Б.

Личная слабость полковника Лунина / В. Б. Волкова —
«Виктория Волкова», 2022 — (Секира)

О чем я думаю, когда внезапно забираю с собой эту женщину? Присваиваю
единым махом. Называю своей и даже настаиваю на штампе в паспорте.
Влюбился с первого взгляда? Ерунда! Настоящие полковники не влюбляются.
Где я и где эта любовь?

© Волкова В. Б., 2022

© Виктория Волкова, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктория Волкова

Личная слабость полковника Лунина

Пролог

– Тихо, больной. Тихо!

Это первое, что я слышу, приходя в себя. Голос мягкий, колдовской, но незнакомый. Иначе бы запомнил на всю оставшуюся жизнь. Это как чарующая песня сирены. Услышал один раз и пропал.

Нежные пальцы мягко, но решительно удерживают мою руку. Слегка фиксируют пластырь в локтевом сгибе.

Капельница, что ли?

Выныриваю из черного марева, но глаза пока не открываю. Прислушиваюсь настороженно. Девушка в палате одна. Ходит из угла в угол, всхлипывает. Моя она или нет? Не могу вспомнить.

После Галки были, конечно, другие. Но чтобы вот так за мной убиваться? Наверняка, ни одной не найдется.

Дико болит затылок. Кто меня приложил? Даже вспомнить не могу. Вроде бы я на рыбалку с мужиками поехал. А как в больнице оказался?

Слегка прищурившись, осматриваюсь по сторонам. Сначала залипаю на женской фигурке, застывшей около окна.

«Песочные часы!» – рассматриваю восхищенно. Инстинктивно опускаю взгляд ниже. Идеальные ноги с тонкими изящными щиколотками. Красные туфли.

И кровать, прикрученная к полу! Твою ж мать...

Моментально перевожу взгляд на зарешеченные окна, потом на стены, выкрашенные в тот самый убогий серый цвет, который бывает только в одном месте. Осторожно проведя пальцами по кровати, нащупываю старый кудлатый флис. Так и есть! Здрасьте, приехали!

Казенный дом.

Я узнаю его из тысячи! Кажется, так в песне поется. Изолятор временного содержания, скорее всего. Вот только как я тут оказался?

Быстро прокручиваю в уме информацию последних дней. Точно. Мы ездили на рыбалку. Бек в каком-то спецхозяйстве договорился. Сначала летели спецбортом. Потом до базы ехали на Рэндже местного руководства. Неделю ловили рыбу. Ну и оттянулись маленько. А дальше, блин? Хоть убей, не помню. Надо выбираться как-то. Своим дать знать. Или они уже в курсе?

Заслышав стук каблуков, прикидываюсьдохлым.

– Просыпаемся, больной, – снова раздается над ухом чудесный голос. Мягкий. Чуть с хрипотцой. За один только голос девчонку можно замуж позвать. Пусть ничего не делает. Говорит только. Или поет.

Маленькая, слегка влажная ладошка нежно скользит по моей щеке. А затем снова поправляет иголку. Распахнув веки, натыкаюсь на внимательный взгляд зеленых глаз. Красивая девочка! Высокие скулы, маленький носик и грудь, обтянутая красным трикотажем.

– Как вы себя чувствуете? – спрашивает девица. Настоящая боевая подруга!

– Бывало и хуже, – усмехаюсь криво и перевожу взгляд на капельницу. Что же это я? На девчонку засмотрелся, а о главном забыл!

Из прозрачного флакона что-то переливают мне в вену. Интересно, что? И за каким хреном?

– Говорить можете?

- Где я? – бросаю требовательно.
- В полиции города Шанска...
- Никогда не слыхал о таком.
- Я бы тоже вовек не слыхала, – грустно признается она.

Ненароком пялюсь на грудь. Четверочка, не меньше. Все это богатство упаковано в красный обтягивающий трикотаж с глубоким декольте. А главное попа! Красивая, упругая... так и хочется погладить.

– Сколько пальцев видите? – показывает мне девчонка растопыренную пятерню. Напускает на себя строгий вид. Типа профессионал!

Профессионалка, скорее всего! Иначе как бы тут оказалась?

- Восемь, – усмехаюсь я, перехватывая руку. И выдыхаю хрипло.
- Что там? – киваю на капельницу. – Быстро говори.

– Гемодез, гептрал... – выдыхает она изумленно. – Вы же на заправке Дрозда побили. Витрину порушили. А потом отключились. Меня попросили вас в чувство привести.

Морщусь, стараясь припомнить. Была какая-то заправка вроде... Я еще из машины отлить выходил.

– Телефон есть? Я заплачу, – прошу, больше всего желая подняться. Но рука, пришпиленная иглой, не дает никакого шанса.

- Меня предупредили, что вы очень опасны, – мямлит девчонка.
- Предупредили, так давай, – рычу глухо.

В зеленых глазищах плещется страх, смешанный с болью и отчаянием. Меня боится – и это правильно. А остальное – наверняка личное!

– Гони трубку, – требую резко. Беру девчонку на испуг. Мне особо разбираться некогда, что ей там про меня рассказывали. Сейчас главное выбраться.

Еще в ИВС я не зависал! Не дай бог, информация просочится в СМИ. Так и погоны потерять можно.

Девчонка куда-то срывается с места. Слышится цокот каблучков. Ну куда ж без них местным плечевым! И буквально через секунду у моего лица мелькает новенький айфон последней модели. Заработала, девонька! Честным трудом заработала!

Спрятав усмешку, быстро ввожу личный номер Бека, в миру известного как генерал Кирсанов.

– Бать, – тихо цежу в трубку. – Вы ничего не потеряли?

– Твою ж мать, Асисяй! – откликается мой командир. – Ты где? Мы тебя тут с собаками ищем.

– Меня в каком-то Шанске приняли. В ИВС. Прикинь, бать...

– В Шанске, – тихо шелестит рядом девчонка. – Улица Ленина, дом семнадцать.

Передаю важную информацию и прошу тоскливо:

– Заберите меня отсюда.

– Сейчас свяжусь с местными. Освободят, – сварливо роняет Кирсанов. – И мы через час подскочим.

Короткий разговор внушает надежду. Сейчас мой командир примет меры. Народ возьмет под козырек. И двери откроются.

Поговорив, кладу айфончик рядом с собой.

– Пусть пока побудет у меня, – не то прошу, не то ставлю перед фактом. – Когда буду уезжать, отдам.

Обычно в таких ситуациях начинаются вопли. Девчонки протестуют. Но только не эта.

– Потом только верните, – роняет негромко и добавляет, не скрывая печали: – Мне все равно звонить некому.

– Спасибо, – киваю, снова из-под прищуренных век разглядывая новую знакомую. – Как тебя зовут?

– Надежда, – вздыхает она. И похоже, говорит настоящее имя.

«Что-то тут не вяжется!» – ловлю себя на мысли. Путаны обычно представляются вычурными именами и редко скажут свое. Да и капельницы девчонка ставит мастерски.

«Одно другому не мешает», – просыпается здравый смысл и подкидывает воспоминания о ласковых сестричках в госпитале.

– А тут как оказалась? – спрашиваю снисходительно. Известно, как они все сюда попадают. Одна история. Но делать особо нечего. Так хоть голос красивый послушать.

– Витрину разбила в ювелирном, – признается она понуро. – Ущерб в особо крупных.

– То есть по одной статье идем, подруга, – усмехаюсь я.

– Наверное, – весело кивает Надежда, наклоняясь надо мной. Осторожно вытаскивает иголку. Залепляет ранку пластырем.

– Ну все, больной, выздоравливайте! – прощается любезно.

– Погоди. Ты куда? – инстинктивно хватаю за руку. – Я тебя не отпускал.

Глава 1

Надежда

Двумя часами раньше

– Щербинина, – раздается в трубке громкий голос Тани Ясеновой. – Ты чего там ждешь, дурында?

– Что? Где? – не понимаю спросонья. Сев на кровати, откидываю назад влажные после мытья волосы. Тяжелые пряди бьют по спине, словно плети.

Надо подстричься, наверное. И Витя давно просит.

«Хороший повод, чтобы помириться», – думаю, вполуха слушая причитания бывшей коллеги. Зачем разбудила, зараза?

У меня отпуск. Вот и отсыпаюсь. Одна в родительской квартире. Окна завесила. Домофон отключила. А вот про сотовый забыла.

– В ювелирный напротив Торганов твой пришел с какой-то белобрысой мымрой. Такой важный. Дверь перед ней открывал. Под ручку вел. Не иначе как жениться надумал, – тараторит Таня. И каждое слово бьет по голове кувалдой.

Витя? Жениться? На ком?

– погоди, Тань, не таракти, – вытираю ладошкой лицо. С Витей мы поссорились неделю назад. Наговорили лишнего. Но я-то думала, рассосется! Не в первый раз. А он? Жениться попер!

– Какой магазин? Где?

– Да на Ленина, Надь! – недовольно восклицает Татьяна. Как будто в Шанске полно ювелиров. – Ты как не слушаешь!

– А, поняла. Спасибо, – бормочу, все еще не понимая, что предпринять. Остатки сна отлетают как лишняя шелуха. Плюхнувшись лицом в подушку, задыхаюсь от охватившего гнева. Сжимаю кулаки от ярости.

Как же ты мог, Торганов?

Здравый смысл подсказывает смириться. Уехать из Шанска. Начать новую жизнь и навсегда забыть о предателе.

Отличный план! Вот только надо в последний раз посмотреть Торганову в глаза. Лично убедиться. А то у нас в Шанске всякое наговорить могут.

Подскочив на ноги, быстро умываюсь. Зачесываю волосы в хвост и пристально оглядываю себя в зеркале. Сонное ненакрашенное чучело! Немудрено, что Витя другую нашел.

Нет, я так просто не сдамся! Пусть поймет, кого потерял!

В два шага оказываюсь около шкафа-купе. Отдвигаю прочь зеркальную дверцу. Выуживаю красное платье в обтяжку и такие же туфли на шпильке. Наряд новый. Шикарный. И я в нем как звезда Голливуда.

Изгибаясь волной, влезаю в платье. На ходу надеваю туфли. Хватаю сумочку в тон.

Все! Красавица! Королева!

Осталось только перейти через двор, нырнуть под арку, ведущую на Ленина, и вот он, ювелирный. А там тощая блондинка со свистком вместо губ во все глаза смотрит на Торганова. А мой Витенька примеряет кольцо. Белое золото... Все дела...

Еще какая-то пара выбирает сережки. Прямо аншлаг сегодня в ювелирной лавке!

Прохожу незамеченной к витрине напротив. В глазах рябит от яркого освещения витрин и сверкающих камней.

«Хоть бы кулончик какой подарил за десять лет!» – мысленно обижаюсь на Торганова. Ловлю напряженный взгляд продавщицы Леночки.

«Да все нормально», – подмигиваю весело. Кто бы знал, с каким трудом дается мне эта веселость!

Лена смущенно отворачивается. Неудобно ей. Знает! Весь город знает. Стыдобище еще то!

Мой мужик женится на другой. Нормальный поворот?

– Тут какое-то все страшное, Витя-я, – тянет девица томным голосом. – Нужно в город ехать. И нормальные обручалки выбрать.

Обручалки! Значит, точно к свадьбе готовятся. Стиснув зубы, инстинктивно подаюсь вперед.

– Какая ты, такой и магаз, – фыркаю пренебрежительно. Вкладываю в каждое слово побольше гнева. Умом понимаю, что девица не виновата. Но именно на нее выплескиваю всю злость. – Меня Витя в Москву возил. И брюлики там покупал. А тебе и Шанских самоцветов хватит.

– Надя, ты чего? Белены объелась? Или пьяная? – в ужасе откликается Торганов. Испепеляет грозным взглядом и все пытается стянуть с пальца золотое великолепие Шанских мастеров. Вот только колечко намертво село.

– А вы кто такая? Витя-я, ты ее знаешь? – обдает меня презрением мадам.

– Жена, – ляпаю я, не подумав. – Вы у него в паспорте посмотрите. Там я и дети записаны. – И в душе вою от отчаяния. Если честно, мне Торганов только в школе простое колечко дарил. А больше никаких подарков! За все годы наших отношений.

– Нет там никого! Я смотрела! – с визгом кидается на меня Витина невеста. Зыркает злыми глазами. Верещит как резаная.

– Виолетта! – рычит Торганов, пытаясь остановить дурную девицу.

Виолетта, значит. Полный капец!

Ставлю блок, как учили на курсах самообороны. А затем отталкиваю девицу прочь. Если Витя решил жениться на «этом», я его поздравляю! Мне тут точно делать нечего.

Насмешливо смотрю на растерянного Торганова.

– Совет да любовь, милый, – замечаю я с ехидством. И уже разворачиваюсь к двери, чтобы выйти из этой свары победителем, как новая мадам моего бывшего нападает сзади.

Резко кручу корпусом, желая скинуть эту дрянь. Получается. Но не сразу. Девчонка летит в середину зала. Еще секунда – и врежется в стену. Но высокие каблуки подводят девицу в последний момент. Тонкая шпилька подламывается, и будущая мадам Торганова летит прямо в сверкающие витрины.

Бьется стекло. Словно блестящий горох, на пол высыпаются бриллиантовые украшения. А вместо сирены раздается дикий визг этой красавицы.

– Это она! Она меня толкнула!

Удрать бы... Но отступая, врезаюсь в широкую грудь охранника.

– Стой, Надя, – тихо шипит он, хватая меня за руку. – Сейчас полиция приедет. Разберется.

Свет меркнет, стоит только глянуть на Торганова. Красивый, надменный и абсолютно чужой. Поганый изменщик утешает свою пассивность и смотрит на меня исподлобья. Ничего хорошего этот взгляд не сулит. От обиды хочется разрыдаться по полной. А памятуя гадкий характер Вити и его бешеные связи, я точно знаю, кого объявят виновной.

По вызову, как назло, приезжает наш одноклассник Коля Дудков. Противный тип! Еще со школы его терпеть не могу! Он о чем-то говорит с Витей, кивает подобострастно, будто

никогда не сидел за соседней партой. А затем лихо застегивает наручники на моих запястьях. Последним я вижу Витину спину и торжествующий взгляд его невесты.

Стыдно-то как, господа! И обидно ужасно!

– За что ты меня арестовал? Я ни в чем не виновата. Это блондинка витрины обрушила, – вразумляю Дудкова, пока он ведет меня к машине.

– Разберемся, Щербинина. Только свидетели говорят другое. Ты зачем в магазин пришла? Скандал затеяла...

– А это противозаконно? – изумленно смотрю на Дудкова. – И что теперь?

– Ну как что? – вздыхает Коля, подводя меня к полицейской машине. Прохожие останавливаются поглазеть. Сейчас поползут нехорошие сплетни по городу. Не отмоешься.

– Судить тебя будут, Щербинина. Ущерб в особо крупных, – с видом знатока важно заявляет Дудков.

– Судить? – охаю я в ужасе. И только сейчас понимаю, что влипла по крупному. В Шанске мне точно никто не поможет. Вся власть в руках у Вити. Он отомстит обязательно. И самое главное, наш главный законник Тима Морозов вчера с семьей уехал в отпуск. Все. Пропала я. Теперь точно посадят.

– Надь, ну потерпи, – жалостливо просит Дудков. – У меня Юлька на сносях. Витя обещал роды принять... Посидишь в отделении часок-другой, и отпустим тебя под подписку.

Еще и буравит отмороженными глазами.

– Но я же не виновата, – пытаюсь убедить Дудкова. Но все бесполезно.

– Брось заливать, – обрывает он грубо. – Есть показания свидетелей. Какого тебя в ювелирный понесло, Щербинина?

Можно соврать. Рассказать, что срочно понадобилось колечко с бриллиантом. Карата так на два с половиной. Борщ собралась варить, а не в чем!

– Посмотреть на свою преемницу хотелось, – признаюсь тихо. И только теперь понимаю, какую глупость сморозила. Зачем неслась поглазеть на Торганова? Зачем провоцировала дурную девку?

Но сердце тянет от главной беды. Витя женится! Вот ведь засада. Как теперь жить дальше? Руки безвольно опускаются, а из глаз льются слезы. Просто бегут по щекам.

– А ты думала, Щербинина, он на тебе женится? – заглядывая в зарешеченный салон машины, криво усмехается Коля. И сам того не ведая, невольно отвечает на мои немые вопросы. – Таких, как ты, замуж не берут. Поматросил, да и бросил. Ха-ха-ха, – смеется глумливо.

– Ну ты и козел, – шепчу я, сквозь слезы.

– За козла ответишь, – бодро заявляет Дудков, кивая молчащему до сих пор напарнику. – Слышал, Юра, она оскорбила меня при исполнении.

– Да хватит тебе, – просит тот раздраженно. Но у него звездочек на погонах меньше. Коля у нас капитан, а этот – лейтенант только.

Смотрит в зеркало заднего вида, не скрывая жалости.

– Не твой сегодня день, девочка!

– И никакой Морозов тебе не поможет, – весело продолжает Дудков. – Во-первых, Тимофей наш уехал из города, а во-вторых, не станет он с Тором из-за тебя собачиться. Сама подумай, Щербинина!

По большому счету Коля прав. Не будет мэр Шанска ссориться с главным врачом роддома из-за обычной медсестры.

Утирая слезы, отворачиваюсь к окну. Там, на улице неспешно идут куда-то люди. Едут машины. Хватаю глоток свежего воздуха. И дышать не могу. Очень тяжело!

– Выходим, Щербинина, – командует Дудков, когда автомобиль, проехав пару кварталов, тормозит на парковке отделения полиции.

Все. Мышеловка захлопнулась. Душу заполняет тяжелая паутина безысходности. Хоть вешайся от отчаяния. Никто мне не поможет. Никто!

Глава 2

Это была не любовь! Глупо убиваться.

Но от обиды и безысходности меня колотит мелкая дрожь. Обхватив себя обеими руками, сквозь слезы смотрю на маленькую узкую комнату, больше смахивающую на коридор. Снова с содроганием тарашусь на двухэтажные кровати, прибитые к полу. Придирчиво выбираю самую чистую. Но даже заставить себя не могу сесть на черное потрепанное покрывало.

«Какая же ты сволочь, Витя!» – думаю с горечью о любовнике. Теперь уже бывшем.

Но больше всего корю саму себя. На что надеялась? Зачем ждала? Почему верила каждому слову Торганова и его отмашки «сейчас не до этого!» воспринимала как должное. Вникала во все его проблемы. А он?!

– Да не любит он тебя, Надя! – приходят на ум слова известной всему Шанску гадалки Юны Петровны. – Тебе другой мужик по судьбе идет. Он сейчас женат. Как освободится, сразу в твоей жизни появится. Вот с ним ты будешь счастлива. С Витькой – нет.

– Так уж и сразу, – усмехаюсь я недоверчиво. И не верю ни одному слову Юны.

– А кто его спрашивать-то будет? – фыркает она недовольно. – Раз по судьбе написано, значит, придет. Никуда не денется.

– А какой он? – спрашиваю, стараясь не расхохотаться.

– Наглый, – с благоговением произносит она.

– Хорошее описание, – киваю я, не скрывая ехидства.

И по дороге домой рассуждаю примерно так. Мужик придет, когда освободится. Если найдет дорогу, конечно. Компаса у него нет. От меня ничего не зависит. Сидеть и ждать? Так лучше в компании с Витей.

Так я и думала лет десять назад. Считала, что Юна ошибается. Торганов меня любит. И женится, как только...

Вот только у него и в мыслях не было! Это я себе все напридумывала. Сколько лет мы с Витей женихались? За это время точно можно было сто раз сойтись и развестись. Два года в школе, потом еще десять лет, когда я домой вернулась. Если это не любовь, то что?

«Выгода», – подсказывает мне здравый смысл. Очень удобно крутить роман в отделении. Подхарчиться, потрахаться. Эдакая жена на работе. А потом, как и полагается супругам, мы поругались и развелись. То есть я уволилась! И Вите стало неудобно. Роддом – главное место для свиданок – обломилось само собой.

Вот тогда и надо было уезжать. Так нет же, нарисовался Морозов со своей двойней.

«Лере тяжело. Боюсь, не справится!»

Я и согласилась помочь. Работа непыльная. Зарплата хорошая. Да и с младенцами лучше возиться, чем терпеть капризы толстопузиков в патологии.

– Надь, ты здесь? – охая, вбегает Коля Дудков.

– Интересный вопрос, – прикусив губу, демонстративно оглядываю зарешеченные окна.

– Там мужика привезли, – вытирает потный лоб бывший одноклассник. – Здоровый кабан, Надь. На заправке все витрины разнес. Да еще Дрозда пригасил немного. А потом сам отрубился.

– Зачем ты мне это рассказываешь, Коль? – роняю непонимающе. Так и хочется закричать: «Отвали! Мой Витя женится!».

И только сейчас осознаю весь ужас ситуации. Морозову, наверное, надо позвонить. Может, придет кого-нибудь. Все-таки я его детей нянчу.

– Так нам его в чувство надо привести и допросить, – деловито продолжает Дудков. – Судя по правам, мы такую рыбу крупную поймали, Надь! Самого Лунина!

– А кто это? – брякаю, не выдерживая собственного любопытства.

– Аферист один. Что-то с криптой мутит. Я уже в управление «К» позвонил. Они подтвердили. Все правильно, говорят, Дудков, есть такой. Ярослав Андреевич Лунин.

– Мне-то что? – бросаю равнодушно.

– Ну как? – изумленно смотрит на меня Коля.

– От меня что требуется? – уточняю настойчивее. Поди разбери, что там варится у Дудкова под темечком. Какие мысли посещают пустую головушку?

– Ну ты какая-то бестолковая у нас, Надь! Он под газом капитально. Надо его реанимировать, – заявляет решительно Коля и важно расправляет полные плечи. Ну орел! Настоящий орел. Только комнатный.

– Скорую вызови. Пусть в больницу отвезут... – отворачиваюсь к окну. Мне бы на своих проблемах сосредоточиться.

– Ну какая больница! – устало вздыхает Дудков. – Он же сбежит. Давай, подумай, что ему там вколоть. Пусть быстрее очухается Ты же медицина у нас, Щербинина.

– Я – акушерка. Могу принять роды. У него схватки?

– Нет в тебе ни капли доброты, – трет потный лоб Коля. – Я тебя как друга прошу.

Прикусываю щеку, лишь бы не рассмеяться. Ну какой же ты мне друг, Коля? Иди своего Торганова проси!

– А я тебе взамен сотовый верну по-тихому. Морозу позвонишь. Он тебя быстро с кичи вытащит, – приводит главный аргумент Дудков.

– Тимофей в отпуске, – прикрываю глаза от усталости. Может, это сон? Я сейчас проснусь, и все будет как прежде. К вечеру сварю борщ. Витя придет с работы...

Впиваюсь зубами в щеку. И даже чувствую привкус крови во рту.

Да очнись же ты, дурочка! Витя женится! Женится. На поганой блонде. И как теперь быть, если вся моя жизнь крутилась вокруг него. Я даже платья покупала такие, как нравились Торганову. По малейшему зову бежала. И все надеялась...

– У Морозова телефон всегда к ладони приклеен. Тебе ответит, – отвлекая меня, настойчиво пыхтит Коля. – На вот, – протягивает мне мой мобильник.

И вся моя защита летит к чертям.

– Ладно, – соглашаюсь нехотя и предупреждаю строго: – Я могу только капельницы поставить.

– Да хоть клизму, – отмахивается Дудков. – Мне главное, допросить этого перца. А если он еще чистосердечное у меня подпишет...

– Так нельзя, – мотаю я головой. – Нужно дождаться прояснения сознания...

И мысленно оправдываю себя. От гемодеза и гептрала ничего страшного не случится. Побочек минимум. Помогу человеку, может, и мне плюсики в карму зачтется. Так хоть мозги у человека прояснятся. Будет понимать, что говорит и подписывает.

Коля снова вытирает потный лоб. В тоскливом взгляде появляется немного радости.

– Что надо купить, скажи! Он в себя придет, я его допрошу. Может, по службе продвинут. Не вечно же мне в этом Шанске куковать.

– Записывай, – вздыхаю тяжело. Мне кажется, и капитанский чин – это верх для Коли. А куда он метит? Даже подумать страшно.

Дудков со списком выбегает в коридор. Зычно зовет кого-то из подчиненных.

А я, воспользовавшись легким послаблением, звоню Морозову и горько рыдаю в трубку.

Тимофей слушает терпеливо, а потом заявляет решительно:

– Сейчас я Тора наберу, Надь. Пусть уладит вопрос с ювелирами.

– Нет, Тима, пожалуйста, – всхлипываю в трубку. – Не хочу я его!

– Это сказка не про любовь, Надя, – отрезает он решительно. – Просто быстро вытащить тебя из ИВС не получится. Самый лучший вариант – это забрать заявление и по-тихому возместить ущерб, понимаешь?

– У меня таких денег нет! – сквозь слезы кричу я.

– Ерунда, – усмехается Морозов и объясняет мягко, как маленькой: – Украшения наверняка не пострадали. А витрины стоят недорого. Витя заплатит.

– А Дудков сказал, что я иду по статье в особо крупных, – реву я. И сама ничего не понимаю. Но Тима прав, украшения не могли пострадать. А значит, Дудков меня запугал? Зачем?

– О господи, – устало вздыхает Морозов и добавляет резко: – Ни о чем не беспокойся. Ничего не подписывай. Поняла? Я порешаю.

– Да, Тима, да! – улыбаюсь, вытирая слезы.

Отложив трубку в сторону, упираюсь взглядом в серую стену. Какая же я все-таки овца! Дала себя запугать, как последняя дура. Дудков, конечно, тот еще гад! Но без Витеньки моего точно не обошлось. На смену панике и бессилию приходит здоровая злость. Попадись мне сейчас Торганов, я бы ему все в глаза высказала!

Ненавижу!

Хотя это слишком сильное чувство. Виктор Петрович его не заслуживает. Слишком много чести.

«Это тебя бог отвел от этого опарыша», – пеняет мне чуйка голосом бабушки.

Но как себя ни уговаривай, душа все равно болит. От несправедливости и предательства человека, которого я всю жизнь считала самым близким. Доверяла. Любила. Мечтала о нем, как дура!

– Надюха, у нас все готово, – весело вваливается в камеру Коля. – Пойдем, поможем человеку...

– Конечно, – решительно поднимаюсь с места. В горле застревает ком. Если меня, свою одноклассницу, Коля запугал до смерти, то чужому человеку наверняка навешает несуществующих грехов. У Дудкова тормозов нет. На все пойдет, лишь бы выслужаться.

«Тима меня спасает, а я другого человека», – думаю, шагая вслед за толстым маленьким полицейским по полутемному коридору.

«А откуда ты знаешь, что он хороший? – усмехается моя чуйка. – Может, действительно, бандюган...»

Но войдя в камеру, я даже сбиваюсь с шага. У стены на узком топчане навзничь лежит самый настоящий богатырь. Широкоплечий мужик в камуфляже и берцах. На руках ни колец, ни татуировок. Отрубился, бедняга. Будто спит. Светлые выгоревшие волосы подстрижены почти под «ноль». Да и сам задержанный больше напоминает военного, а не мошенника.

На автомате касаюсь крепкой накачанной шеи, безошибочно находя бьющуюся жилку пульса. Засаекаю время, отсчитывая каждый удар.

Шестьдесят в минуту. Как у космонавта!

Безотчетно провожу ладонью по гладковыбритой, чуть прохладной мужской щеке и шепчу еле слышно:

– Просыпайся, родненький! Не время спать.

Глава 3

Надежда

К спинке кровати, она же лестница на второй этаж, кто-то из полицейских привязывает швабру.

– А флаконы куда? – чешет репу Дудков.

– Сетка нужна или пакет, – отвлекаюсь на секунду от больного. И снова поворачиваюсь к нему. Закатываю рукав тонкой камуфляжной куртки.

Хотя нет! По-хорошему снять надо.

– Помоги, – прошу Колю.

– Мы сами, Надюш, – добродушно ворчит он. Кивает коллегам. – Пацаны, тут одному с этим кабаном не справиться.

Разматываю прозрачные плети системы, достаю иголки из упаковок шприцов, а сама наблюдаю, как двое полицейских с трудом ворочают задержанного. Пыжатыся из последних сил.

Украдкой рассматриваю странного афериста. Крепкий сильный мужчина. В меру накачанные бицепсы, мускулистые ноги. С первого взгляда чувствуется мощь специально обученного человека. Такие даже если падают, успевают сгруппироваться.

– Клиент готов, Надежда Владимировна! – радостно возвещает запыхавшийся Дудков. Надо же, и отчество мое вспомнил!

«Оно же в деле записано!» – легонько бьет по темечку здравый смысл.

Подойдя к кровати, снова осматриваю больного.

– Кто же тебя приложил, родненький? – шепчу под нос. Называю мужчину как толстопузиков в отделении. Слово простое. Незамысловатое. А успокаивает. Лечит.

«Если он с Дроздом подрался, то этот гад мог со спины напасть. Подлая натура и душонка мелкая!»

– Потерпи, родненький. Потерпи, – вставляя иголку в вену, шепчу как мантру. И сама верю, что гептрал и гемодез помогут. Обязательно помогут!

– Надь, ты тут сама справишься? – отвлекает меня от молитвы Дудков. – А то у нас дел по горло.

– Иди спасай мир, – повернувшись, роняю едко.

– Вот ты языкатая, Надежда, – устало вздыхает он. Растягивает губы в улыбке, а в глазах уже мелькает злость и... страх.

Наверняка Морозов позвонил и вставил.

В особо крупном!

Но меня это не касается. Пусть теперь сам расхлебывает. Мне бы человека на ноги поставить и домой уйти. Хоть под подписку о невыезде. А если Тимофей пришлет кого-то из своих адвокатов, те быстро докажут мою невиновность.

В суд бы на Торганова подать... да не умею я судиться. И его, дурака, жалко. Хлебнет еще со своей блондой. Где он ее только выдрал?

Человек на койке тяжело стонет.

– Потерпи, родненький, – аккуратно глажу больного по руке, – Потерпи.

И неожиданно залипаю на широченных плечах, едва уместившихся на топчане.

С таким мужиком ничего не страшно!

Думаю и сама пугаюсь собственных мыслей.

Кто же ты? Почему дал себя обдурить? Не верю я, чтобы кто-то из наших мог бы открыто противостоять такому шкафу.

Заглядываю в лицо, будто высеченное из мрамора. Наверняка этот человек военный. Одна выправка чего стоит. И разворот плеч! А еще твердая линия губ и волевой подбородок. Интересно, глаза у него какие? – размышляю я и, набравшись смелости, открываю веко.

Но ничего не вижу, кроме белков.

Плохо дело!

Снова меряю пульс. Убрал, пустой флакон из-под гемодеза, ставлю гептрал.

– Очнись, миленький, – умоляю чуть слышно.

И словно услышав мои молитвы, человек тихо ведет пальцами. Следом инстинктивно приподнимаются веки. Дергается рука.

Очнулся, слава тебе господи!

– Тихо, тихо, больной! – удерживаю на месте иголку.

Мужчина распахивает глаза. Карие. Колдовские. Обводит камеру мутным взглядом и снова прикрывает веки.

Красивый мужик. Никогда таких не видела.

Внутри что-то торкает. Даже с Витей такого никогда не было. Поспешно отхожу к окну. Сквозь толстую решетку смотрю на голубое небо и стайку птиц, поднимающихся в вышину.

«Выдыхай, девочка! Выдыхай. Это какой-то сказочный персонаж. Пришелец из другого мира. У нас в окрестностях такие особи не водятся».

Жду минуту-другую, пока сердце успокоится, и на ватных ногах возвращаюсь обратно.

– Просыпаемся, больной! – веляю чуть громче.

Мужчина открывает глаза и впивается в меня требовательным взглядом. По спине бегут мурашки, а ноги подкашиваются.

– Как вы себя чувствуете? – придаю голосу нужную деловитость.

– Бывало и хуже, – усмехается он, пожирая меня глазами, и добавляет требовательно: – Где я?

– В полиции города Шанска... – вздыхаю устало.

– Никогда не слышал о таком, – дергает он плечом. А взгляд так и проваливается ко мне в декольте.

– Я бы тоже вовек не слыхала, – признаюсь скупно. Внутри поднимается злость на больного. Не фиг меня так разглядывать!

«Вот же гусь! – закипаю от злости. – Только в себя пришел, а уже раздевает взглядом».

– Сколько пальцев видите? – отвлекаю внимание от собственного декольте.

– Восемь, – хрипло смеется он.

А у меня по коже бегут мурашки. Дрожу от одного только голоса.

«Ох и не нравится мне это!» – прикусываю губу и с тоской гляжу на дверь камеры. Где ты, Дудков?

– Телефон есть? Давай, – снова сыплются приказы.

Безропотно отдав трубку, подарок Морозовых, отхожу в сторону. Даже не прислушиваюсь к разговору. Больной, кажется, с отцом разговаривает. Просит вытащить отсюда. Значит, не первый раз попадает, если родители в курсе.

«А мои-то не знают ничего!» – спохватываюсь я. Но и звонить им не собираюсь. Родители занервничают, деда и бабушку разволнуют. А старики...они же как дети малые. По любому поводу переживают. А им нельзя. Глупая Витина подстава рассосется, а у деда от расстройства сердце может не выдержать. Шутка ли, любимая внучка в тюрьме.

Пусть лучше так. Если до мамы слюшок дойдет, сама позвонит. А если нет...ничего не скажу.

– Пусть пока побудет у меня, – заявляет больной, закончив разговор. Кладет сотовый себе под бок. – Когда буду уезжать, отдам.

Ну и наглый же тип!

– Потом только верните, – роняю тихо. Может, так удержусь и не позвоню маме. – Мне все равно звонить некому, – добавляю, напоровшись на темный взгляд.

Нормальная ситуация! Голодный он, что ли? Не мое это дело. Но тут с ним оставаться опасно.

Мысли лихорадочно вертятся в голове. И я сама не пойму, что испытываю в данный момент. Страх? Желание? Или это первые признаки Стокгольмского синдрома?

Но что бы это ни было, мне лучше держаться подальше от этого мужчины.

«Что там капельница? – перевожу взгляд на пустой флакон и выдыхаю с облегчением. – Уже докапала!»

На негнущихся ногах подхожу к кровати. Достая иголку. Залепляю пластырь на месте инъекции. Обычные действия, доведенные до автоматизма. Но в этот раз все иначе. Пальцы дрожат, а сердце бьется как сумасшедшее. Все мувиной дикая энергетика пациента. Нужно уйти. Чем скорее, тем лучше.

– Ну все, больной, выздоравливайте! – прощаюсь поспешно.

Главное, сбежать! В своих мыслях и чувствах я потом разберусь. Одна.

– погоди. Ты куда? – цепкие пальцы обхватывают мое запястье. – Я тебя не отпускаю, – хрипло заявляет нахал.

От легкого прикосновения по коже рассыпаются электрические разряды, а внизу живота плотным коконом закручивается желание.

Глава 4

Асисяй

В замке шелкает ключ. Дверь открывается. и в камеру входит толстый смешной мужичок. Не входит даже, а вкатывается.

– Ну вот и очнулся! – замечает радостно. Наверняка думает, что поймал какого-то рецидивиста. И уже даже дырку себе на кителе заделал для медальки. Одно слово, герой!

А еще девчонку со мной одну оставил. Такой шею сломать меньше минуты надо. Шейка тоненькая. Красивая. Нужно потом не забыть, накатать на это чудило рапорт в СК. Пусть выпрут за профнепригодность.

– Да вот откапались, – кивает девчонка на пустой флакон, привязанный к швабре. – Интоксикацию сняли.

– Тогда беги, – словно падишах, великодушно разрешает капитан. – Там Витек за тобой приехал. Ущерб весь компенсировал. Штраф оплатил. Никто к тебе претензий не имеет.

– Морозов звонил? – пристально смотрит на капитана Надежда.

– Ну а кто еще? – разводит тот руками. – Иди уже, Надя. Мне допросить клиента надо. Но девчонка медлит. Не уходит. Вот же глупая!

– А дело? – торопливо интересуется она.

Дурочка маленькая, беги отсюда!

– Да нет никакого дела, – отмахивается от нее капитан, как от надоедливой мухи. – Беги к Витьку, Щербинина. Он уже заждался.

– Как это нет? – огрызается девица. – Ты меня через весь город в наручниках просто так провез? Без всякого основания? Как я теперь людям в глаза смотреть буду?

«Смешная она, ей-богу!» – думаю я, наблюдая за перепалкой. Пигалица хрупкая, а на капитана наступает. Руки в боки расставила, плечи выпрямила.

Ну с кем ты споришь, девонька. Кого испугать хочешь?

– Уходи, – шепчу, когда Надежда поворачивается ко мне.

– Потихоньку вставайте, больной, – обращается официально.

– Иди, коли отпускают, – сажусь на узкой шконке. И морщусь, когда снова темнеет в глазах.

– Вам плохо? – обращается девица ко мне. И, по всей видимости, никуда не торопится.

– Очень, – признаюсь, чувствуя слабость. Рубит меня. Не к добру это. – Что вы мне вкололи? – спрашиваю снова.

– Гептрал и гемодез, – повторяет девчонка. – В аптеке напротив покупали.

Переводит растерянный взгляд на капитана.

– Ты же ничего не добавлял, Коля?

– Ты о чем? Конечно, нет! – охает как баба капитан и тут же решает: – Оставайся с ним. Сделай что-нибудь...

– Скорую вызвать надо. Или Витю позови, если он еще здесь, – предлагает моя спасительница.

Какого еще Витю? И почему по ИВС шастают посторонние? Это же запрещено. Или местным сутенерам закон не писан?

– Точно! Тор сейчас поможет! – Капитан поднимает к потолку указательный палец. И быстрым шагом направляется к выходу. Снова шелкает замок.

– Что еще за божество? – спрашиваю из последних сил.

– Верховное, – нехотя выдыхает девчонка. – Это он меня сюда упрятал.
– Сволочь, – усмехаюсь я, прислоняясь затылком к серой холодной стене. Меня ведет не по-детски. Бред какой-то! На пустом месте влипнуть...
– Эй, а ну не смей отключаться, – тормозит меня Надя. – Как тебя там?
– Ярослав Андреевич Лунин, полковник спецназа, – рапортую заплетающимся языком.
– Врешь ты все, – не веря, отмахивается девчонка.
– Позвони моим. Скажи пацанам, пусть поторапливаются, ладно?
– Кому? – не понимает Надя. – Вроде вы с отцом разговаривали.
– Ага. С батей. Вот ему и звони, – приказываю, уплывая.
– Хорошо, – быстро кивает Надежда. Умненькая девочка. И нажав на последний контакт, долго ждет ответа.
– Вне зоны доступа, – охает грустно.
– Еще давай, – приказываю на последнем издыхании. – Дозвонись до моих, слышишь?
– Да. Да, – растерянно повторяет девчонка. И вздрагивает, когда в замке проворачивается ключ.

А в камеру входит капитан и еще какой-то тип в дорогуших джинсах и футболке Бриони. На носу очки в золотой оправе. Ну точно, сутенер!

– Сделай что-нибудь, – просит мажора капитан.

Тот подходит поближе. Щупает пульс, затем смотрит зрачки. Можно подумать, понимает что-нибудь?

– Вы тут совсем посдурели?! – отчитывает надменно капитана и девчонку. – Дудков, у тебя с башкой все в порядке? Или я тебе в пятом классе отбил мозги напрочь? Скорую вызывай быстро. Надя, давай на выход. Я порешал, – заявляет резко.

– Езжай, Вить, – равнодушно отмахивается она. – Лучше я с больным побуду. Нельзя его так бросать.

«Хорошая девочка. Нужно с собой забрать. Увезти подальше от этой банды. И расследование провести», – решаю внезапно.

– Да какой бросать? Ты ж не нанималась, – роняет мажор презрительно.

«Эх, Тор! Молотом бы тебе между глаз засветить. Такую девчонку подставил!»

– Едем. Нужно поговорить. Ты должна... – настаивает мажорик.

И ухватив Надежду за руку, тянет к выходу. А вот этого я допустить не могу. Планку срывает, как только этот козел прикасается к девочке.

Подскочив, порываюсь следом. От резких движений тут же темнеет в глазах. Единственное, что вижу, это изумленное лицо Надежды. На него и смотрю, не отрываясь. Иначе пропаду.

– Эй, ты куда? – в ужасе кричит толстячок. Подпрыгивает, пытаясь остановить. Но где ж ему?! Капитан доходит мне до плеча. А в прыжке...

Отмахиваюсь одной левой. Другой откидываю лейтенантика. Но не сильно.

– Подожди, – окликаю Надежду. Нужно спасти ее. Вырвать из лап этого засранца.

Только мысли путаются. Я с девчонкой только час с небольшим знаком. Но все уже про нее знаю. И про себя тоже.

– Что? – останавливается она, не доходя до двери. Выдергивает руку из несильного захвата мажора.

– Надя, – в ужасе окликает тот ее.

А мы молча смотрим друг на друга, не в силах разорвать возникшую связь. Воздух искрит. Накаляется от желания.

Делаю шаг к Надежде и пробуксовываю на месте. Сзади на меня накидываются полицейские.

Словно щенки или дети малые.

Глава 5

Надежда

– Какого тут происходит? – рявкает от двери начальник полиции Мельников.

– Мне бы тоже хотелось узнать, – криво усмехается аферист, откидывая в сторону слишком рьяного Дудкова. Тот падает на пол, встает и снова бежит на врага. Видимо, хочет начальству показать излишнее рвение. А получается наоборот.

– Дудков, угомонись уже, – багровеет от гнева Мельников. Вытирает широкий лоб платком, а потом и мясистые щеки. Видимо давление долбит. – Лучше подготовь рапорт, почему в ИВС посторонние и на каком основании произведено задержание? Я тебя спрашиваю...

– Так это, – сбившись с шага, мямлит поникший Коля. – По оперсводке проходит гражданин. Я и в управление «К» позвонил. Они подтвердили.

– Сейчас разберемся, – недовольно цедит полковник. Подойдя к Лунину, что-то говорит вполголоса. А наглый аферист с ним разговаривает на равных. Оба посмеиваются, словно забывшись.

– Надя, – тянет меня за руку Торганов. Он прав. Самое время уйти. Но я стою как приклеенная.

– А ты как тут оказался, Виктор Петрович? – сердито интересуется Мельников. – Тут вроде твои услуги не требуются, – тянет насмешливо и недовольно.

– Да вот, за Надеждой заехал. Ее закрыли по непонятной причине. Морозов уже жалобу в главное управление накатал, – совершенно спокойно заявляет Витя.

Только крепче сжимает мою руку. Нервничает. Да еще Дудкова подставил. Нехорошо.

Вон тот смотрит исподлобья. Наверняка свинью подложит... Но так тебе и надо, Витенька.

– За незаконное пребывание на территории охраняемого объекта полагается штраф и задержание до пятнадцати суток, – монотонно бубнит полковник. – Логинов! – зовет кого-то из коридора. А когда в камеру влетает бравый румяный капитан, приказывает: – Этого в соседний люкс определи до выяснения, – кивает на Торганова. – А этих, – раздраженно косится на своих подчиненных, – отстранить на время расследования.

– Что? Вы не имеете права, – охает Виктор. – Меня Дудков из предбанника позвал. Сказал, человеку плохо.

– Вот сейчас и напишешь объяснительную, – равнодушно отмахивается Мельников.

Неожиданно в руке звонит сотовый. Вибрирует, заставляя дернуться, как от удара. Незамысловатый обычно рингтон сегодня будто извещает о скором апокалипсисе.

Наткнувшись на темный взгляд Лунина, опускаю глаза. Один всадник уже прискакал. А другие мчатся ему на подмогу.

Телефон все звонит, а я как замороженная смотрю на номер, на который несколько минут назад не могла дозвониться.

– Это меня? – то ли спрашивает, то ли утверждает аферист. Шагнув ко мне почти вплотную, забирает из рук трубку. Невзначай касается пальцами моей ладони. Вздрагиваю от неожиданности, а он как ни в чем не бывало подносит мой айфон к уху и четко, будто в армии, рапортует: – Так точно, бать. Сейчас выхожу...

– Ну пока, – пожимает руку Мельникову. И даже прислоняется щекой к потному фейсу нашего полковника.

– Серому привет передавай. Извини, что так получилось. Сам видишь, с кем приходится работать, – словно извиняется тот.

– Бывает, – морщится недовольно Лунин и, повернувшись ко мне, приказывает: – Проводи меня, девочка.

И телефон не отдает, зараза!

– Вы свободны, Надежда Владимировна, – с улыбочкой кивает мне Мельников.

– Ага, спасибо, – мямлю я растерянно. И тотчас же моя рука оказывается в стальном захвате медвежьей лапищи Лунина.

Высокий крепкий мужчина тянет меня за собой. Еле успеваю за ним.

«Ну ничего, – думаю, ковыляя рядом на высоких каблучищах. – Сейчас на улицу выйду. Телефон заберу. И домой. Домой! К борщу и родному дивану».

Витю, конечно, через час отпустят. Никто не станет с ним ссориться. Поэтому вечером наверняка придет. Разговаривать. Долги свои требовать. Только мне уже безразлично. Умерло все в душе. И навряд ли воскреснет.

– А вот и мои, – улыбается Лунин, довольно оглядывая припаркованный у входа черный внедорожник с тонированными стеклами.

– До свидания, – выпаливаю, набравшись смелости. Дергаю рукой, пытаюсь избавиться от странного плена, но все бесполезно. Мой мучитель лишь посмеивается весело.

– А, кстати, держи, – протягивает мне трубку. И как только та оказывается в моих руках, подхватывает меня под мышку, будто куклу пластмассовую.

Охнув, лечу по воздуху.

– Отпустите! Что вы делаете? Я вам не игрушка какая-то! – пытаюсь вырваться из крепкого захвата. Вот только мои крики ни на кого не действуют. Прохожие поглядывают с интересом. Кто-то даже снимает на сотовый. А Лунин, держа меня одной рукой, второй быстро открывает заднюю дверь Рэнджа.

И закинув меня в машину, сам плюхается рядом.

– Ты совсем сдурил, Асисяй? – строго интересуется человек в камуфляже, сидящий рядом с водителем.

А другой, ну точно брат-близнец моего похитителя, лишь улыбается во все тридцать два.

– Это Надежда. Моя личная медсестра, бать, – роняет Лунин хрипло. – Меня вырубает периодически. Боюсь, до аэродрома не дотяну. А девушка меня лечит...

– Нееет! – кричу в голос. – Я этого типа впервые вижу.

– Так уж и впервые, Надюш, – весело усмехается он, обнимая меня за плечи и медвежьей хваткой впечатывая в жесткое накачанное тело.

– Отпустите меня сейчас же! – заявляю решительно. – Вызовете скорую! Мы так не договаривались! – дергаюсь между двумя огромными мужчинами, больше похожими на каменные глыбы.

Народ в машине дружно смеется. Да я и сама понимаю, что выгляжу глупо. Ну что может требовать букашка у трех слонов? Водитель не в счет. По сравнению с этими бугаями кажется карликом.

Впрочем, и я тоже.

– Все под контролем, девушка, – улыбается мне мужчина с переднего сиденья. – Вам никто не причинит вреда. Ярославу Андреевичу необходима медицинская помощь. Вы уж нас сопроводите до аэродрома, пожалуйста, а обратно вас Игорь отвезет, – просит он снисходительно и кивает на водителя.

«Значит, водитель местный», – отмечаю про себя. И пытаюсь вспомнить номер джипа. Какой-то он странный. Одни единицы. Телефон со мной. А значит, смогу отправить сообщение Морозову. Он быстро эту тачку пробьет по базам и выяснит, кому она принадлежит.

А эти люди кто? Лунин там что-то мутит с криптовалютой. А эти двое? Его охрана или подельники? В любом случае, я пропала. Надо было с Витей уходить, пока Мельников не явился!

Хотя сейчас это не имеет никакого значения. Ну не убьют же меня?

– Да, хорошо, – лепечу, ничего не соображая. Тяжелая лапа Лунина чугуновой гирей давит на мое плечо. Даже дышать трудно. Но вместо желания отдалиться, сбросить руку в голову лезут странные мысли. Хочется положить голову на грудь Ярославу Андреевичу и закрыть глаза. Сразу куда-то прочь уходят мои страхи. Становится тепло и безопасно.

«Эй, ты чего?» – одергиваю сама себя. Какой-то тип тебя нагло выкрал, а ты разомлела как последняя дура.

– Мне душно, – пытаюсь вырваться.

– Вы его извините, Надя, – хохочет сидящий рядом мужчина. – У нашего Славы травма головы.

– Да и это не смешно, – огрызаюсь я. – Вы бы его лучше в больницу доставили... Он отключается периодически. А на вертолете растрясет...

– Асисяй, ты как? – смотрит внимательно на товарища тот, что назвался Димой. – Может, обезбола шугануть?

– Не откажусь, – выдыхает тот через силу. – Надежда меня капельницами потчевала, – бормочет он довольно.

Упрямый черт. И наглый!

– Притормози, Игорек. Аптечку достать надо.

Машина плавно останавливается около белого перечеркнутого знака «ШАНСК». Можно еще выскочить и дворами вернуться к себе. Лена Петровская тут живет недалеко. Можно к ней заскочить. Гнаться наверняка не станут.

– Не крутись, – словно прочитав мои мысли, велит Лунин, покрепче впечатывая меня в свое тело.

– Отпусти, – шепчу словно гадюка. Пытаюсь выставить между нами локоть.

Дверца внедорожника открывается со стороны моего похитителя. Его товарищ деловито осматривает затылок и замечает, присвистывая:

– Вдарили тебе прилично, Асисяй. Интересно, за что?

– Да на стоянке с кем-то сцепился, – вздыхает тот, стаскивая рукав куртки. И глядя на иголку, предупреждает криво: – С любовью, Крепс.

– Конечно, братан, – кивает тот и, махнув по предплечью спиртовой салфеткой, втыкает в мышцу странный шприц, уже наполненный препаратом.

– Теперь поспи, – заявляет тот, кого назвали Крепсом, и уже собирается закрыть дверь, как Лунин тянет его к себе. Жарко шепчет что-то на ухо. – Будет сделано, – успокаивает его товарищ. И занимает место рядом со мной.

– Может, вы меня отпустите? – спрашиваю напряженно.

Это бандформирование какое-то! Зачем меня похитили? Куда везут?

– Всему свое время, девушка, – философски замечает человек с переднего сиденья. По виду он постарше и посolidнее. Наверняка, это и есть главарь банды.

А я его в лицо видела. Теперь точно прибудут и прикопают в лесочке.

Рэндж сворачивает на боковую дорогу, украшенную знаком «движение запрещено», и минут через десять подъезжает к охраняемой территории. Ворота открываются, пропуская внедорожник внутрь. Никто не спрашивает пропуска, не велит выйти. А зря. Я бы сбежала!

На полупустом поле, закатанном асфальтом, стоит несколько вертолетов, а дальше виднеется грузный армейский борт, а за ним – легкий белый самолетик с надписью на борту.

«Чего-то-там-нефть».

Машина плавно тормозит перед трапом. Да и в самолете мгновенно открывается дверь.

«Ну не увезут же они меня с собой?» – бьется в голове.

– Отпустите меня, – прошу негромко. – Пожалуйста! Лучше позовите специалиста.

– Пока из специалистов тут только вы, – хмуро отрезает главарь. – Я не могу допустить, чтобы наш товарищ, находясь в бессознательном состоянии, остался без помощи. Вам еще предстоит объяснить нашим медикам, что кололи и когда.

– Да гептрал и гемодез! – вскрикиваю в ужасе. Прикусываю губу, пытаюсь унять подступающую панику.

Что происходит, мама дорогая! Куда они собираются меня увезти? Ну не украдут же, в самом деле!

Мужчина смотрит на меня жалостливо. Все давно решено, Надежда, не рыпайся! Поздно хвостом бить. Да и звать кого-то на помощь тоже.

– Я думаю, у них возникнут еще вопросы. А вы единственная, кто может помочь, – мягко замечает главарь, терпеливо поджидая, когда я выйду из внедорожника.

Горячий воздух обжигает лицо и руки. Но, несмотря на жару, меня трусит от холода.

«Не паникуй! Держи лицо», – приказываю себе. И обхватив себя ледяными руками, выжидательно смотрю на главаря.

– Пойдемте, Надежда, – любезно предлагает он и, взяв меня под локоток, ведет к трапу. А сзади два других шкафа под руки ведут в салон сонного афериста.

Глава 6

Асисяй

Я прихожу в себя, когда легкий Гольфстрим начинает снижение. Резко распахиваю глаза и первым делом засекаю Надины коленки. Она сидит, поджав ноги, в соседнем кресле. Кутается в плед. И всем своим видом показывает полную отстраненность и холодное безразличие.

Запихни меня на чужой частный борт и доставь против воли в Москву, я бы уже тут все разгромил к чертовой матери.

Но Надя – девушка боевая. Что-то обдумывает. Наверняка сбежать хочет. Но куда тут с подводной лодки. От меня не сбежишь. Некоторые безумцы пытались проверить, потом долго лечили поломанные конечности. Жена не в счет. Эта сама ушла. Да и не держал я ее особо.

Сонно таращусь на круглые аккуратные коленочки. Так и хочется коснуться. Девчонка взвизгнет, подпрыгнет. А я подхватчу.

– О, очнулся наш герой державы! – хмыкает сидящий напротив Крепс. От этого перца ничего не укроется. – Здоровье поправить не желаешь? – кивает на накрытый стол.

Водочка, нарезки, соленые огурчики.

– По какому случаю поляна? – Тяжело отрываю башку от кожаного дивана. Тру и без того мятую морду лица. Плохо еще соображаю. Лекарство подействовало, но башка до сих пор раскалывается. Но тяпнуть можно. И уже собираюсь пересесть к пацанам, как рядом раздается строгий голос.

– Вам нельзя спиртное. И пища сейчас должна быть легкоусвояемой, – нравоучительно выговаривает Надежда. Прямо как учительница младших классов. Так бы и съел со всеми потрохами и напускной строгостью.

– Там на кухне ящик с детским питанием болтается, – довольно хмыкает Крепс. – Выбери, брателла, кролик с брокколи или цыпленок с кабачком?

– Бедные твои дети, Дима, – вздыхаю я.

А Крепс, зараза, многозначительным взглядом обводит салон Гольфстрима и замечает весело:

– Что это они бедные? Богатые! Маман им на десять поколений вперед наскирдовала.

– Кстати, – хмыкает Кирсанов. Мой старый товарищ и командир. И добавляет решительно: – Юля не любит, когда мы у нее на борту выпиваем. Давай, Дима, по третьей, не чокайся. И сворачиваем поляну.

Во все глаза всматриваюсь в довольные рожи братьев по оружию. Сколько мы с ними прошли. Мокли под проливными дождями или изнывали от засухи в пустыне. Лишь недавно наши пути разбежались. Крепс женился на матери своего ребенка, которая по совместительству до сих пор является президентом небольшой нефтяной компании. Сначала сам перешел к ней работать. А потом и Кирсанова переманил, когда тому пенсия засветила.

Звали и меня. Но я отказался. Не смог бросить «Секиру». Там я хоть начальник. И никогда не позволю, чтобы мною баба командовала, хоть и Димкина жена.

Наверняка это мое решение сильно повлияло на наш развод с Галкой. Уже разводились. А она мне все выговаривала.

– Все люди, как люди...

– А у меня хрен на блюде, – огрызнулся я тогда. И ни разу не пожалел.

– А кто помер-то? – интересуюсь обалдело. Судя по довольным мордам, потеря небольшая. Но тогда зачем поминать...

– Фунт преставился, – торжественно заявляет Кирсанов и, подняв глаза к потолку, обтянутому бежевой перфорированной кожей, истово крестится.

– Да ну? – усмехаюсь радостно. – Пришла беда откуда не ждали.

Пересев к столу, быстро сооружаю себе бутерброд. И поднимаю глаза на сидящую наискосок Надежду.

– Надь, ты ела? – спрашиваю, не обращая внимания на гордый профиль.

– Девушка отказалась, – тут же рапортует генерал.

– Мы предлагали, – на правах хозяина недовольно бухтит Крепс.

– Ну я понял, – киваю коротко. Сооружаю пару бутеров с бужениной. На тонкий ломтик батона намазываю масло и, накинув сверху пару кусочков янтарной семги, складываю нехитрый харч на тарелку. Наливаю стакан сока и на нетвердых ногах шагаю к Надежде.

– Держи, – выставляю на небольшой столик. – Чтобы все поела.

– А если я не хочу, – огрызается она.

– Врешь, – мотаю головой и возвращаюсь к товарищам.

– Как же произошла сия трагедия? – ржу в голос.

– У покойника был скверный характер, Слава, – с хитрым прищуром напоминает мне Кирсанов. И сам кайфует от каждого слова. – Вышел наш Хулифунт Падлович за калитку прогуляться. А там машина залетная неправильно припарковалась. Парнишка какой-то у соседского забора решил отлить. Фунт и возмутился. А пока лаялся и огрызался, не заметил мотоциклиста. Сбили насмерть. Санечка почти сразу вышла, а он уже окочурился.

– А дети?

– Не видели, – бодает воздух башкой генерал.

– Знаешь, где похоронили? – потянувшись за огурцом, ржет Крепс.

– На старом кладбище. Рядом с моим отцом, – жестко крикает Бек. Да еще пожимает плечами. Дескать, кто я такой, чтобы спорить с главнокомандующим. С женой, то есть.

Безотчетно поворачиваюсь к Надежде. Она на автомате жует бутерброд с рыбой и в ужасе слушает наш треп. Надо будет ей потом объяснить, что речь идет о собаке. Мерзкой такой, трясущейся, на тоненьких лапках. Но эту сволочь очень любили генеральские дети и жена, Александра Андреевна.

Самолет заходит на посадку. Через минуту-другую, шасси касаются бетонной полосы. А от здания аэродрома уже несется наперерез черный Гелек.

– Машина подана, – киваю Крепсу.

– Это Юля. Мы сейчас с ней в Абу-Даби летим. Вас только высадим, – рыкает полковник спецназа и заученным движением передает полупустую бутылку стюардессе. – Можно убирать.

– Стопки не забудь, – поспешно передает стюардессе главные улики преступления генерал. – Кофе бы сварить, – замечает поморщившись.

– Все равно учует, – усмехается криво Блинные. – Да и поздно уже, – вздыхает, приготовившись к расстрелу через повешение. – Я прикрою, пацаны, – роняет привычно.

– Само собой, – успевает сказать Кирсанов, как Гольфстрим застывает точно вкопанный. Открывается дверца, опускается трап. И вот уже по салону стучат каблучки.

– Что тут происходит? – строго интересуется блондинистая стервочка, запавшая моему Крепсу до самых печенок и ниже.

– Все нормально, дорогая, – поднимается он навстречу. Нежно обняв, целует в висок. – Ты мой фрак взяла или забыла? – пытается сбить с толку.

– Зачем тебе фрак в Эмиратах? – заглывает Юля наживку и тут же, обернувшись, замечает Надежду.

– А это еще кто? – цедит негодуя. – Откуда здесь эта... эта... девушка?

Хорошо хоть, про низкую социальную ответственность не говорит. И на том спасибо!

Бек морщится недовольно, Крепс сжимает челюсти и прожигает меня яростным взглядом. Типа я всех подставил со своею кралей. Теперь не отмазаться. Боевые офицеры, а дрейфят перед Юлей как пацаны малолетние. Зовут ее Верховным, а офис ставкой. Очень смешно. Вот только я под такое никогда не подпишусь. Лучше в армии горбатиться. Честнее.

– Это Надя, моя жена, Юль, – медленно поднимаюсь с места. В полшага оказываюсь рядом с Надеждой. Положив руку на плечо, слегка сжимаю тонкие косточки. Молчи, девочка. Только молчи.

– Жена? – недоверчиво вскидывается Крепсиха. – Ты же только развелся, Слава...

– Ну вот, – хмыкаю радостно. – Пост сдал. Пост принял.

– Ну я поняла... – скупо кивает Юлия и резко отходит прочь. – Там машина вас ждет, – сухо роняет, кивая на взлетную полосу.

«Не поверила. Ни одному слову не поверила», – думаю я, помогая Надежде подняться. Закрывая спиной от надменной мадам, аккуратно снимаю с плеч полосатый мохеровый плед.

Веду девочку к выходу и шкурой чувствую, как в спину бьют злые Юлькины взгляды. Как пули вражеского снайпера.

– Вот это мы влипли, Асисяй, – вздыхает Бек, усаживаясь на переднее сиденье Гелека. – Крепса за полет умертвят самым извращенным способом, а потом воскресят над Абу-Даби. Я ему не завидую.

– Я тоже, – усмехаюсь криво. Все эти бабки легко не даются. Женился на богатенькой буратине, пусть теперь сам разгребает.

– Ты домой или в клинику? – хмуро интересуется Бек, переводя разговор в деловое русло.

– Домой, – киваю коротко.

– Вам МРТ сделать надо, – впервые за все время подает голос Надежда. Смотрит строго и возмущенно. Похоже, я сегодня перед всеми виноват. Но мне по фиг, честное слово!

– Успеется, – отмахиваюсь я. И тут же слышу, как в кармане моей сумки жужжит сотовый. Интересно, кто это?

Впопыхах вытягиваю трубку и изумленно вчитываюсь в короткую эсэмску от Бека.

«Тебе придется жениться на Наде, Слава. Юлия доложила Санечке. Теперь и меня дома ждут со скалкой»

«Да не вопрос, бать», – улыбаюсь довольным. И осторожно сжимаю в ладони хрупкие Надины пальцы.

Глава 7

– Отпустите меня, пожалуйста, – шиплю, когда моя рука снова оказывается в плену у Лунина. Машина несется по взлетной полосе. А потом привычно сворачивает в какой-то проулок между двумя служебными зданиями. – Я никому ничего про вас не скажу. Ничего требовать не буду. Пожалуйста! – прошу, взывая к здравому смыслу. – Сама билет на самолет куплю и вернусь домой.

– Нет, – наклоняясь почти вплотную, обдает жарким шепотом мой похититель. И снова молчит, будто ответил исчерпывающе.

Впереди Бек вместе с водителем обсуждают смерть и похороны человека, которого дружная компания весело поминала в самолете. И я в очередной раз удивляюсь, как люди могут быть такими черствыми и равнодушными к человеческой жизни.

– Я никому не скажу, – дергаю руку.

– Да знаю я, – морщится Лунин и снова жарко шепчет в ухо: – Тут нельзя выходить, Надя. И этот аэродром предназначен только для частных бортов. Поэтому едем ко мне...

Задыхаюсь от негодования. Ничего себе заявочки! Что вообще возмнил себе этот наглый тип?

– Нет. Выпустите меня в городе, – настаиваю я.

Пытаюсь сохранить самообладание. Но попробуй мыслить здраво прижатой к здоровенному мужику?

– Не получится, милая. Мы сразу к себе свернем. Заезжать в Москву не будем, – нависая надо мной, мурлычет мне в ушко наглец.

Со стороны мы, наверное, похожи на двух воркующих голубков. Вон и водитель с интересом в зеркало заднего вида поглядывает. Даже чуть не пропускает нужный поворот. Резко выворачивает руль в сторону. С моих колен на пол шумно падает полупустая сумочка.

«Там только телефон, а грохоту», – не успеваю поднять я, как Лунин подхватывает мою единственную вещь загребущей лапой, больше похожей на ковш экскаватора. И, не оборачиваясь, закидывает сумку назад.

«Вот же раззява», – ругаю саму себя. Держать надо было крепче. Сумка ладно! Но там телефон. Без него я не смогу выбраться из этой странной переделки.

– Поспи, малыш, – предлагает мне наглец. И сам, откинувшись затылком на подголовник, закрывает глаза.

– Опять плохо? – тяну я испуганно.

Как же я надеюсь, что он скажет «да!». Машина остановится. Кто-нибудь вколет Лунину инъекцию, а я сбегу.

– Все нормально, Надюш! – шепчет он, снова обволакивая меня жаром. – Скоро домой приедем, отдохнем.

Охаю возмущенно и снова оказываюсь прижатой к Славе Лунину. Не знаю, криптой он промышляет или брачный аферист, но от неминуемой близости внизу живота ёкает что-то. Желание бьет огненной стрелой.

Интересное кино! С Витей такое бывало, конечно, но точно не от тисканья на заднем сиденье.

– Отпусти, – прошу тихо. – Неудобно.

– Да тут все свои, – хохочет нахал.

– Асисяй, не балуйся, – раздается строгий голос с переднего сиденья. – Вы мне бойца отвлекаете.

– Да мы тихо сидим, бать, – словно школьник оправдывается Лунин. И снова откидывает голову на подголовник. Закрывает глаза. Вот только мою руку так и не выпускает.

«Чем меньше дергаешься, тем меньше он к тебе пристает», – выводит своеобразный закон мой спутанный разум.

Так и едем дальше. Я лишь напряженно смотрю в окно, где в сумерках мелькают названия поселков. Надо знать, куда меня везут. И сразу написать Морозову. Пусть выручает друг детства. И расследование надо провести: что это за банда такая?

И сколько людей с ней связано. Даже наш полковник Мельников и какая-то нефтедобывающая корпорация.

Закусив губу, стараюсь не расплакаться. Не собираюсь никому показывать слабость. Справлюсь. Сбегу обязательно. Не совсем понятно, зачем Лунин выкрал меня... Вернее, не выкрал, а как понравившуюся вещицу захватил с собой.

– Вот и приехали, – вздыхает на переднем сиденье Бек, когда машина въезжает в открывающиеся кованые ворота.

Оглядываюсь по сторонам, ожидая увидеть что-то похожее на бункер. Но нет. Гелендваген тормозит на широкой парковке. Три огромных дома, елочки и цветы в аккуратных клумбах. На идеальном зеленом газоне преспокойно лежит кот. По выложенной камнем дорожке уже бегут к автомобилю дети. А сзади степенно шествует красивая темноволосая женщина.

Значит, не в тайную тюрьму господина Лунина меня доставили. Может, удастся выбраться...

– Моя команда, – радостно возвещает Бек, выбираясь из машины. Подхватывает на руки пацанов. А те льнут к нему, как родные.

Неужели семья? А женщина – супруга?

– Выходим, Надя, – тянет меня за руку Лунин.

В предвечерних сумерках женщина кутается в расписную шаль. Небольшой ветерок треплет выбившиеся из пучка кудряшки. Хозяйка дома переводит на нас строгий взгляд. Не кривит губки, как та блондинка-стервочка, но смотрит изучающе холодно.

– Знакомьтесь, Александра Андреевна, – бодро рапортует Лунин, укладывая руку на мою талию. – Это Надежда. Моя жена.

– Ага, очень приятно, – равнодушно замечает та и тут же переводит изучающий взгляд на главаря банды. – Сережа, я ждала тебя...

Голос мелодичный, чуть с хрипотцой. Такой мужикам нравится. Вот и Бек расплывается в улыбке. Обнимает женщину за плечи, целует в висок. Но получает в ответ лишь холодное «пойдем в дом».

Похоже, не поверила дамочка в легенду моего похитителя. Видимо, знает его как облупленного. Или он часто баб привозит. Уже все привыкли. Вот только я ему не какая-то с улицы!

– Все, спокойной ночи, – решительно заявляет он, словно подслушав мои мысли.

– Ты бы к врачу съездил с утра, Слава, – осторожно роняет главарь, лишь на секунду отрываясь от своей женщины. – Я позвоню Виленскому...

– Не надо, Бек. Я сам, – развернувшись, мотает головой мой похититель. И подхватив рюкзак, выставленный водителем из багажника, ведет меня по дорожке вглубь участка.

«Ну хоть свидетели есть!» – вздыхаю я мысленно и тут же обрываю себя.

Ну какие свидетели! Жена главаря? Или их несовершеннолетние дети?

Мимоходом рассматриваю территорию. Большая детская площадка, напоминающая огромный корабль, зона барбекю. И почти одинаковые дома на участке. Те же ступени, покрытые мрамором, панорамные окна и даже флюгеры на крыше.

– Наши хибары, – фыркает Лунин, кивая на соседние особняки. – С лепниной – это Крепса. А с зимним садом – Бека. Ты наших дам не суди строго, – добавляет он, подходя к третьему дому. Только тут крыльцо пока бетонное. На невымытых стеклах еще видны этикетки производителя окон. И нет даже штор. Оттого дом кажется пустым и необжитым.

Зачем меня сюда привезли? Окна помыть?

Сердце так и замирает от неизвестности. Если убьет, тут точно никто искать не станет.

– Не пугайся, – вздыхает Лунин, открывая входные замки и распахивая тяжелую дверь. Пробегается пальцами по моей спине, едва касаясь позвоночника, и приглашает с великодушным жестом. – Прошу! Только на разруху не обращай внимания! Тут еще делать и делать! Я недавно сюда переехал.

Набравшись смелости, делаю шаг внутрь.

Обычная светлая прихожая с большим окном, шкаф-купе во всю стену, какие-то мешки в углу.

– Да я и не боюсь, – пожимаю плечами как можно равнодушной. И как только мой похититель прикрывает дверь, выпаливаю в упор: – Зачем ты меня сюда привез? Что за выходки? Говори сейчас же!

– Понравилась ты мне, Надь, – бесхитростно заявляет этот гад. Да еще улыбается так открыто, по-мальчишечьи.

– Поэтому ты меня выкрал? – спрашиваю в ужасе.

– Ну почему сразу выкрал, – фыркает он и добавляет миролюбиво: – Давай покажу дом и поговорим...

– То есть отпустить ты меня не собираешься? – печально подвожу итог еще не начавшейся беседы.

– А зачем? – прижимает он меня к стенке. – Ты мне нравишься. Я тебе тоже вроде небезразличен. Мотаться в твой Шанск я все равно не смогу...

– Тебя же там сразу посадят. И дружки не помогут...

– погоди. Ты о чем? – оторопело смотрит на меня Лунин.

– Ну как же... – только открываю я рот, собираясь поделиться знаниями, полученными от Дудкова, как этот наглый тип подхватывает меня на руки и тащит на кухню. Сажает на высокий стул, стоящий у барной стойки. Наливает в высокий бокал красного вина и велит хмуро: – Рассказывай. А я пока картошку почищу.

Глава 8

Асисяй

Надя неуклюже садится на высокий стул. Неумело ставит ноги на перекладину.

– Как на насесте, – вздыхает она, растерянно оглядываясь по сторонам. Но других сидячих мест у меня на кухне не предусмотрено. И по функционалу это больше гостиная. Ем я здесь редко, чаще гостей принимаю. Хотя кто ко мне заходит?

Кирсанов и Блинников. Иногда дочери приезжают. Но это скорее по великим праздникам.

Из большой плетеной корзины с крышкой набираю крупные корнеплоды. Мать присылает мне картошку и соленья! Боится, чтобы я с голоду не помер. Вот зачем, спрашивается? Дома я и раньше почти не питался. Ел где придется. Солдат спит, служба идет. Это и обеда касается.

Исподволь наблюдаю за Надеждой. Подложив ладони под подбородок, девчонка осматривает кухню осторожным взглядом. На лице крупными буквами читается настороженность. Ни тревоги, ни страха. Просто девчонка следит за ситуацией и себя в обиду не даст. Да никто и не обижает. Я, конечно, мало соображал, когда забирал ее из Шанска. Но ни о чем не жалею.

Лишний раз стараюсь не пялиться на щедрое Надино декольте и притягательные изгибы. А то порвет от желания. Опускаю взгляд ниже, на кусок настоящего оникса, приспособленного под барную стойку. Подарок Крепсов на новоселье. По белой молочной глади струятся золотые прожилки, словно подсвечивая изнутри теплый камень. И снова глазею на тонкие пальцы, скользящие по ножке бокала. Надя задумчиво крутит его в руках. Но к вину так и не прикоснулась.

– Оно не отравлено, – замечаю насмешливо. Я еще хорошеньких женщин не травил.

– Померкло, погасло вино в бокале. Минутный порыв говорить пропал, – грустно напевает Надежда.

А у меня глаза лезут на лоб. Твою ж мать! Стопроцентное попадание. Так не бывает.

На автомате тянусь к кнопкам на пульте управления. Включаю музыку. Тихо и проникновенно поет Владимир Семенович про нужные ноты и души, покрытые коркою льда.

– Моя любимая, – улыбается Надя и безотчетно тянется к бокалу с вином. Делает маленький глоточек и, словно набравшись сил, выдыхает.

– Вам в Шанск возвращаться нельзя. Там вас точно арестуют.

– Это еще за что? – усмехаюсь весело.

– Украл меня, – тут же следует ответ. – Хотя сейчас если в розыск подадут, то тебя и здесь арестуют.

– А ты такая персона значимая, что тебя вот так сразу искать кинутся? – улыбаюсь довольно. И совершенно неожиданно понимаю, что мне нравится подначивать Надежду. Она умная. Смелая, решительная. Настоящая боевая подруга.

– Наверняка твой друбан попытается замять дело. Но Морозов все равно докопается до истины. И выпрет его из полиции. А то и посадит... Как оборотня в погонах.

– Да ну?

– Ну да! – фыркает как ежик девчонка и добавляет строго: – Сумка моя где, товарищ бандит?

– В машине осталась, – вздыхаю я и уже тянусь к сотовому. – Сейчас принесут.

– Принесут? – удивляется Надежда. Даже глазами наивно хлопает.

– Да. Кто-нибудь из охраны сейчас доставит, – повторяю как для неразумной. И тут же отправляю сообщение на пост.

– А ваш мини-поселок охраняется? – смотрит изумленно.

– Конечно!

– А зачем? За свои шкуры боитесь?

– Мы ничего не боимся, девочка, – кидаю на гостью снисходительный взгляд. – Но так спокойнее.

Усевшись напротив, напрочь забываю о недочищенной картошке. Беззастенчиво разглядываю Надежду. Будто стараюсь впечатать ее образ в память.

Да фиг вам! Он уже там впечатан с первой минуты встречи. Маленький носик пуговкой, румяные щеки и чуть раскосые глаза под ворохом ресниц, если, конечно, они не нарощенные.

– Полиция все равно войдет, сколько охраны ни поставь. Это только от ваших поделщиков... – сердито замечает Надя, явно стесняясь моего внимания. А я ничего с собой поделывать не могу. Жру взглядом и остановиться не могу. Так бы смотрел и смотрел.

– погоди, – рыкаю изумленно. – Каких поделщиков? Ты о чем?

Надежда закашливается, поперхнувшись вином.

– Все! Я молчу. Отпусти меня, пожалуйста! – затыкает рот рукой. – Я ничего не знаю.

В два шага оказываюсь рядом. Опираюсь о спинку стула, с обеих сторон отрезая девчонке путь к побегу. Надежда вздрагивает от страха. Даже зрачки расширяются.

Нет, не на такой эффект я рассчитывал.

– Надя, – убираю с лица лишние прядки. – Посмотри на меня. Я не причиню тебя зла.

Легонько касаюсь пальцами тонкой шеи. Кожа нежная, гладкая. Одна рука бежит вниз, а другую кладу на затылок. Притягиваю девчонку к себе и впиваюсь в губы злым поцелуем.

Хочу я ее. С первой минуты как увидел, хочу.

В груди взрывается плотина напряжения. Надины кулаки не в счет. Она стучит по моему плечу, требуя остановиться. А сама языком такие фортели выписывает.

Не отрываясь от сладких губ, подхватываю девчонку под бедра.

– Девочка моя, малышечка... – на всех парах пружу в спальню.

И Надежда моя не противится. Обняв меня за плечи, трется всем телом.

Вот и хорошо... Мне как раз такая жаркая и нужна.

Ввалившись в спальню, вместе с девчонкой падаю на застеленную кровать.

– Давай, милая, – прошу, стаскивая с плеча тонкую бретельку красного сарафана. – Давай сейчас...

– Вот ты наглый, – охает Надежда, позволяя опустить с одного плеча дурацкую бретельку. Тут же подцепляю пальцем вторую.

Но хлопает дверь...

– Ярослав Андреевич! Сумку куда положить? – раздается из коридора голос охранника. И словно бьет по голове кувалдой. Твою ж мать, как же не вовремя!

– В коридоре на подоконник поставь, – приказываю я, снова склоняясь над Надей.

Но момент уже упущен. Девчонка, будто очнувшись, смотрит на меня зло. И вывернувшись из-под моего захвата, подсакивает на ноги. Бежит в коридор за своей сумкой, чтоб ее черти съели. Поднявшись, спешу следом. А то еще улетит моя птичка певчая.

– Кому ты пишешь? – заглядываю через плечо. Хотя и так понятно. На аватарке какой-то мужик.

– Морозову, – роняет она на автомате. А потом, спохватившись, прикусывает язык.

– Кто это?

– Мэр Шанска.

– А к тебе он каким боком?

– Я работаю у него.

- В мэрии? – Одна моя бровь ползет вверх. Вот в жизни не поверю.
- Нет, – категорично мотает головой Надежда.
- Ну понятно, – хмыкаю я. Похоже, девчонка не скрывает своих пристрастий.
- Что тебе понятно? – поднимает на меня глаза.

Сглатываю ком, застрявший в горле. Как слепой веду пальцами по лбу, по глазам, по щекам. Словно пытаюсь наощупь запомнить, как выглядит эта женщина. Она нужна мне. Зачем? Почему? Потом разберемся. Главное, я не могу ее отпустить.

– Выходи за меня замуж, Надя, – выдыхаю порывисто. – Ты не пожалеешь... Всем тебя обеспечу. Сделаю порядочной женщиной...

– Наверное, предложение неплохое, – жалостливо улыбается она, прислоняясь спиной к стене. И даже чуть сползает немного. – Меня еще никто не звал замуж. Но я не могу, – плачет навзрыд.

– Почему? – спрашиваю обалдело. Прижимаю девчонку к себе. Глажу по волосам, по спине, по заднице. И проклиная придурашливого охранника, так не вовремя принесшего сумку.

– Не могу и все. Это как себя предать. У меня же папа – подводник, дед с бабушкой всю жизнь на заводе пропахали. Они не поймут...

– Что именно? – цежу, теряя терпение. Значит, на панели стоять – это нормально, а за меня замуж выйти – недостойно. Так, что ли?

– Я вроде не бандит, не жулик, – тупо бубню в маленькое Надино ушко. – Женат был дважды. Но это не считается.

– А как же твои махинации с криптой? – выпаливает Надежда, утирая слезы. – Дудков сказал, что ты известный аферист. Поэтому тебя в полицию привезли, а не в больницу.

– Кто? – обалдело смотрю на девчонку. – Что за хрень?

Чуть сильнее сжимаю плечи. Трясу несильно.

– Да я боевой офицер. Полковник «Секиры». Какая криптога на фиг? – цежу, с трудом подбирая слова. А заметив ужас на Надином лице, сбавляю обороты. – Я же тебе сразу представился.

– Вот именно, – вздыхает Надежда. – Ярослав Андреевич Лунин – известный мошенник.

– А это ты видела? – оторвавшись от женского тела, дергаю наплечную сумку, висящую на вешалке. Рывком тяну к себе. Но ремешок цепляется за крючки. И бронзовое дерево с золотыми листиками и старой курткой вместо плодов падает прямо на недавно уложенный кафель. Сначала слышится грохот и треск, а затем по огромному квадрату итальянской черной плитки разлетается гадская паутина трещин.

Плевать! Сейчас главное доказать Надежде. Объяснить.

Но она в ужасе прикрывает лицо руками и молчит. Плохой знак.

– Вот, смотри, – протягиваю ей красную ксиву.

Надежда осторожно берет книжечку из моих рук. Внимательно вчитывается в каждое слово.

– Но это и подделать можно? – замечает с опаской. Смотрит растерянно и недоверчиво.

Блин! Блинский блин! Почему я в свои сорок должен доказывать кому-то непреложные факты. Не верит. И не надо!

Кулаки сжимаются сами собой. Главное, не заорать и не испугать девчонку.

Может, действительно отпустить? Пусть катится в свой Шанск и дальше торгует собой? Пусть снова сидит в ИВС, если нравится. А я всегда могу найти другую. Нормальную. Без пули в башке... Зачем вообще мне именно эта женщина?

Но... я ее хочу. На остальное плевать.

– А это, – схватив за руку, тащу в комнату, заставленную коробками. Сразу же нахожу портфель с документами, на ходу вспоминая пароль от кодового замка. Выуживаю из черного

кожаного нутра диплом об окончании военного училища, коробочки с орденами и медалями. – Это тоже я подделал? – рычу хрипло. – А это? – протягиваю приказ о присвоении звания.

До генерала, как Бек, я не дослужился. Но и стать полковником в сорокет неплохо.

– Ой, – тихонечко скулит Надежда. – Но Дудков четко назвал твою фамилию. И ты потом повторил...

– Точно?

– Ага, – поспешно кивает она.

– Я уточню у Лешего... У Мельникова, в смысле, – замечаю осторожно. Выходит, девчонка и не виновата. Какая-то путаница приключилась. Но по любому надо разобраться. Если какая-то сволочь прикинулась мною, найду и откручу все, что открутится. – Теперь выйдешь за меня? – повторяю вопрос.

– Я, наверное, не достойна за такого заслуженного человека замуж выходить. Ты и лучше найдешь, – возвращает ордена Надежда.

«Да не хочу я никого другого! Я тебя хочу! – силюсь не заорать в голос. – Мне плевать на твое прошлое, на твоих гадских друзей. Как же тебе объяснить, глупая?»

Но не могу подобрать нужных слов. В голове сплошная каша. Ни одной годной мысли.

– Не начинай, – морщусь довольно. – Пойдем лучше картошку жарить. У меня еще грибы соленые есть. Мать сама собирает и солит... А потом поговорим, ладно?

Глава 9

Надежда

– Да ты не думай, – помешивает жареную картошку Слава. – Я приличный.

– Просто не везет? – улыбаясь, поддеваю слегка.

Определенно, мне этот мужчина нравится. Сам пожарил картошку. Достал какие-то банки с разносолами, нарезал соленую рыбу. А от моей помощи отказался. Только тарелки разрешил протереть.

– А где у вас кухонное полотенце? – оглядываюсь по сторонам.

– Там в шкафу любое возьми, – кивает на зеркальные дверцы шкафа-купе Лунин.

С опаской выхожу в коридор. И снова в ужасе смотрю на разбитую плитку. Вот это мужика накрыло. Чуть из штанов не выпрыгнул, стараясь доказать мне истину.

А я до последнего Дудкову верила. Вот же дура!

– Тут только махровые! – кричу, открыв дверцу.

Мельком оглядываю содержимое шкафа. На полках до самого потолка все разложено в идеальном порядке. Вот только кухонных полотенец нет.

– Бери любое, Надь, – отзывается Лунин. И когда я возвращаюсь обратно с маленьким белым полотенечком, смотрит на меня изумленно. – А какая разница, чем вытирать?

– Ну как... – теряюсь я. – Нужно будет заехать в молл и купить. Если я тут останусь, конечно.

– А почему нет? Оставайся. Зря я тебя из этого Шанска вывез, – бурчит Лунин, отворачиваясь к плите. А я залипаю на широком развороте плеч и крепкой упругой заднице. Так и хочется по ней шлепнуть.

«Странно, Витькина попа у меня таких эмоций не вызывала», – мысленно сравниваю бывшего с Луниным. И неожиданно понимаю совершенно простую истину. Я всегда считала Торганова божеством. Всегда одергивала себя. Старалась понравиться. А с настоящим полковником я веду себя совершенно естественно. И даже то, что он готовит обед, а я сижу, меня совершенно не смущает.

А Витя... Прикусываю губу. Тот даже чашки за собой никогда не помыл. Привозил продукты, какие-то коллекционные вина. Но готовила я сама. Он никогда не помогал. Просто сидел на диване, потягивал вино, переписывался с кем-то в мессенджерах. Ждал.

«У него же руки!» – одергиваю саму себя. На золотых руках главного врача не должно быть ни пореза, ни ссадины, иначе чревато последствиями.

– О чем задумалась? – отвлекает меня от воспоминаний Лунин. Ставит на каменную столешницу массивную дубовую доску, а на нее – сковородку с шипящей картошечкой.

И только теперь, глядя на аккуратные золотистые брусочки, обжаренные со всех сторон, я чувствую дикий приступ голода. Даже подташнивает слегка.

«Когда я в последний раз ела? – возвращаюсь к прежней Шанской жизни. – В самолете зажевала пару бутеров».

– Давай за встречу, – наполняет бокалы Лунин. – Вино хорошее, французское. У меня один боец в Бордо окопался. Вот шлет на праздники.

– Благодарит? – улыбаюсь я.

– Типа того, – довольно морщится хозяин дома. – Спас я когда-то этого охламона.

Славин бокал лишь на секунду соединяется с моим. Слышится мелодичный звон. И все мои мысли и страхи улечиваются мгновенно.

– За нас, – весело провозглашает Лунин. И за ужином быстро и весело рассказывает о своей жизни.

– Мы с Юлей сразу после училища расписались. С первого курса встречались. Я на нее даже дунуть боялся. Долго обхаживал. Целых пять лет букеты таскал. Потом поженились, дочки родились. Сначала старшая. Потом близняшки. Я и думал, что это на всю жизнь. Понимаешь?

«Я тоже о Торганове мечтала. Один и навсегда!» – думаю с горечью.

– А развелись вы почему? – спрашиваю, нанизывая на вилку кусочек мясистого гриба.

– Да я ее на горячем поймал, – неохотно морщится Лунин. – Я же обычно домой по часам приезжал. Еду, позвоню обязательно. И дома уже накрытый стол, причесанные дочки и любящая жена в переднике....

– Ну и что в этом плохого? – роняю изумленно. – Ждут вас.

– Да хорошо. Кто бы спорил! Просто однажды я не позвонил. Димку у нас ранили серьезно, – кивает он на окно.

И я понимаю, что речь идет о Крепсе.

– Штурм был страшный. Одного козла нейтрализовали тогда. А Димке досталось. Мы с Беком всю ночь ждали под дверью, когда операция закончится. Никто нам никаких гарантий не давал, естественно. А потом, когда его в реанимацию поместили, домой поехали. Можно было и у Бека заночевать. Но мне домой захотелось. К жене. Ночь уже на дворе. Я и звонить не стал, чтобы дочек не тревожить. Приехал, дверь открыл. А моя благоверная как раз от соседа выходит... Развернулся и ушел сразу же. Нервы и так на пределе были. Думал, не сдержусь на фиг. Потом развод. Давно это было. Пять лет прошло уже.

– Странно, – вздыхаю я. – Каким же был тот мужик? У вас за стенкой Бред Питт жил? Или Ди Каприо?

– Обычный мелкий лавочник, – кривится Лунин. – Ничего из себя не представляет. Но каждый вечер дома. При бабках. При связях...

– Они поженились, или он переехал? – интересуюсь мимоходом. Прихлебываю вино и внимательно смотрю на хозяина дома.

– А как ты догадалась? – смеется он. – Конечно, переехал. Юля потом долго локти кусала. «Надеюсь, и Витя тоже!» – отзывается в голове навязчивая мечта.

– А вторая? – покончив с ужином, обхватываю бокал обеими руками.

– Вторая – подруга моей младшей сестры. Та еще неприступная крепость. Я ее с детства знаю. Мать все просила присмотреться. Убеждали меня с сестрой, какая Галя хорошая девочка. А уж как любит меня!

– А ты ее любил?

– Нет, – мотает головой. – Думал, просто повстречаемся. Тоска за три года меня уже до печенок проела. Ну и повстречались с год. Она – женщина интересная. Да и я привык. Она замуж захотела, я и женился. А через полгода заявила, что я перекрыл ей финансовые потоки и мешаю осознанности. Собрала вещи и ушла. Вот развелись мы с ней месяц назад. Но тут все просто было. Ни детей, ни совместно нажитого.

– Бедный... Бедный полковник, – качаю головой.

– Да нормально все, – морщит он безупречный нос. – Ну их! Я тебя просто ввел в курс дела. Теперь давай поговорим о нас, – широкая лапища опускается мне на колено.

Вздрагиваю от неожиданности. Дергаюсь, словно от электрического заряда. Низ живота сводит в предательской истоме. А ноги сжимаются сами собой.

– У меня за всю жизнь только две жены и было, – убирает Лунин с моего лица упрямые пряди. – Никого так не воровал никогда. И с собой силком не вез. А тебя увидел, с катушек слетел.

– Почему? – охаю удивленно.

– Ты красивая, – хрипло признается он. – Я глаза открыл. Тебя увидел и все... Крыша поехала... Влюбился с первого взгляда.

– Посмотрел бы второй раз, – нервно сглатываю. И в упор гляжу на хозяина дома. Любуюсь этим сильным мужчиной. Плыву под жарким потемневшим взглядом. Даже без слов все ясно. Витя так на меня никогда не смотрел.

Может, действительно, плюнуть на Шанск, на Торганова, на здравый смысл и выйти замуж за полковника? Не самый плохой вариант. А по меркам моего родного Мухосранска, так и отличный. Но самое главное, меня тянет к нему.

– Как ты в ИВС оказалась? – с улыбкой спрашивает Слава.

– Торганов меня туда определил, – признаюсь печально. И только собираюсь рассказать, кем мне приходится Витя, как к горлу подкатывает тошнота, а в глазах темнеет.

Соскочив с барного стула, успеваю только зажать рот рукой.

– Вторая дверь направо, – быстро командует Лунин.

Еле успеваю добежать, как меня выворачивает наизнанку.

Падаю на колени перед белым господином. И совершенно не стесняюсь стоящего позади хозяина дома. Он помогает мне встать, заботливо поит водой. А затем провожает в спальню и укладывает на кровать.

– Ты, наверное, отравилась, – выносит вердикт. И достав из кармана сотовый, звонит Крепсу.

– Дима, ваши криворукие проводники скормили нам просроченные продукты, – рывкает недобро. – У меня Надя отравилась. Как раз четыре часа прошло. Да понятно, что с нами все в порядке. Мы и гвозди можем сожрать, и воды из лужи выпить. Юльке как хозяйке никто не посмеет дать что-то несвежее. А Надя моя попала...

«Надя... Моя...» – повторяю мысленно. Витя никогда так не говорил.

Новый позыв рвоты заставляет склониться над тазиком, заботливо поставленным рядом.

– Все. Пока. Плохо ей, – рычит в трубку Лунин и кидается ко мне. Тяжелой обузой обвиваю в его руках. И ничего не могу поделать.

– погоди, девочка. погоди, – убирает назад непокорные волосы Слава. Вытирает потный лоб платком. – Давай... пополощи рот. пей потихонечку...

– Прости, – выдыхаю при первой возможности.

– Сейчас полегчает, – порывисто роняет он, выбегая из комнаты. Возвращается через минуту со странным шприцом, полным мутной красноватой жидкости. – погоди, – приказывает, фиксируя мое предплечье.

– Что это? – охаю, когда тонкая игла прокалывает кожу.

– Сейчас поможет, – уходит от ответа Лунин. – Отравилась ты, Надежда. Но Крепс разберется, а Юлька виновных накажет.

– Не надо никого наказывать, – умоляю, прикрывая глаза.

– Надо, Надя. Надо, – усмехается он, подходя к зеркальному шкафу, занявшему одну стену в спальне. Достает оттуда футболку. Кидает мне. – Сможешь сама переодеться или мне помочь?

– Сама, – бодро киваю я. Но как только хозяин дома выходит из комнаты, засыпаю, прижав майку к груди.

Глава 10

Надежда

Я прихожу в себя поздним утром на белоснежной постели, дышащей свежестью. В окно бьет солнечный свет, разливаясь по комнате золотым маревом.

Поспешно оглядываю себя. Длинная футболка цвета хаки, доходящая почти до колен. И все. Даже красные кружевные стринги куда-то исчезли.

Лунин, гад! Раздел меня. Рассмотрел со всех сторон. Неприятно. Все-таки посторонний человек. Чужой! Чтобы он там ни говорил. Вздрагиваю, будто наяву представляю жадный взгляд хозяина дома, блуждающий по моему дохлomu телу. И зябко ежусь. Хороша украденная невеста. Приехала и отрубилась.

Немного саднит плечо, куда Лунин вчера вколол мне инъекцию. Зато полегчало. Смутно вспоминаю, как настоящий полковник обтирал мое лицо влажной салфеткой, как аккуратно поил водой. Да и тазик ему тоже достался. Но к чести хозяина дома, он и не поморщился даже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.